
АРМЕНИЯ И АРМЯНСКИЙ ВОПРОС В ПУБЛИЦИСТИКЕ СЕРГЕЯ ГОРОДЕЦКОГО

АНУШАВАН ЗАКАРЯН

Ощутимым вкладом русского поэта, публициста, общественного деятеля С. Городецкого (1884–1967) в дело освещения и оценки армянской действительности второй половины 10-х годов XX века, выявления новых фактов, подробностей являются более десятка публицистических статей, по сей день неизвестных русской и армянской широкой общественности. Живя и работая в Закавказье в указанный период, русский писатель, уже ставший свидетелем геноцида армян в Западной Армении, внимательно следя за происходящими в Армении событиями, за ее внутренним и внешним положением, поднял свой голос во имя справедливой борьбы армянского народа, его права на существование.

Начало 1918 г. было тяжелым временем для армянского народа. Еще в конце декабря 1917 г. Совнарком принял декрет о предоставлении "Турецкой Армении" права на самоопределение. Однако "Не считаясь с мнением Совнаркома и боясь антивоенных настроений среди солдат, — пишет академик Г. Галоян, —... командование Кавказского фронта вывело русские войска из пределов "Турецкой Армении", предварительно не обеспечив личной и имущественной безопасности местных жителей, как предусматривалось декретом"¹. Перешедшие в наступление турецкие войска захватывают Батуми, Карс, Александрополь, подходя с одной стороны к Еревану, с другой — к Караклису, внушая тревогу даже жителям Тифлиса. Вся армянская общественность, в том числе и Ованес Туманян, болезненно переживали отход русских войск с Кавказского фронта. Поэт всегда считал, что спасение Западной Армении, справедливое решение Армянского вопроса возможны только с помощью России, а не западных держав. И вот теперь обеспокоенный положением брошенных на произвол судьбы армян, он обратился с "Открытым письмом Сергею Городецкому". Известно, что взаимоотношения С. Городецкого и Ов. Туманяна были тесными, сердечными. Это была дружба, освященная историческими испытаниями русского и армянского народов. Именно это и составляет стержень и основу публицистической деятельности обоих поэтов в те годы, наполняет ее глубоким содержанием. В этом аспекте весьма примечательны открытые письма Ов. Туманяна и С. Городецкого, написанные в январе 1918 г. Они широко известны общественности и поэтому мы не останавли-

¹ Г. А. Г а л о я н. Октябрьская революция и возрождение народов Закавказья. М., 1977, с. 37.

ваемся на них. Отметим лишь, что в эти трудные дни письма Туманяна и Городецкого успокаивают население, одновременно вызывая широкий резонанс среди армянской, русской и грузинской интеллигенции края, полемику в прессе. Характерно, что в большинстве этих откликов — "Еще один ответ О. Ф. Туманяну" А. Селихановича², "Россия стягивается (по поводу письма Ованеса Туманяна)" Ю. Семенова³, "Русская революция и западная демократия (отклик на письмо Ованеса Туманяна)" Т. Сорокина⁴ и др. находим твердое убеждение в том, что Россия никогда не оставит в беде кавказские народы.

Однако были и противоположные взгляды. Статья С. Городецкого "Ржавые перья" — обобщающий ответ своим оппонентам — не потеряла, на наш взгляд, звучания и в наши дни. "... всякий поэт, признанный своей страной, имсет от нее определенный мандат: честно и пламенно изыскивать внутренний путь ее роста и развития, чутко прислушиваться к пульсу ее жизни, не только механически определяя в каждый данный момент реальное соотношение сил (какое дело всецело принадлежит партиям), но чувствуя и предугадывая неуловимые, иногда не постижимые движения ее организма. В политической жизни все проникнуто настоящим. Поэт же вносит корректив в политику, напоминая о прошлом и о будущем. Поэт — хранилище и колыбель истории народа, совершенно забываемой в злобах политического дня, — в частности пишет он. — Этот высокий мандат особенное значение имел в условиях старого режима, когда, зачастую, писатели, в ущерб художественному своему творчеству, принимали на себя и политическое представительство страны. Я тоже воспитался в этих традициях... я не могу отказаться от своего, пускай мистического... но тем более драгоценного для меня мандата русского поэта.

Действительно условия изменились, политика может быть политической, поэзия поэзией. ... Я лично не могу... отказаться от права мыслить, чувствовать и страдать по поводу жизни родины во всем ее объеме, без всяких исключений. Я лично думаю, что к трезвости, ясности, расчету политиков — в общей сумме жизни — всегда будет требоваться корректив безумия "лирического тумана", как говорит мой оппонент, дерзости поэтов. Логика хрома без интуиции... Ованес Туманян... мог обратиться, поэт к поэту, ко мне, а я — ему ответить. Как известно, всякая звезда рождается из тумана, и, может быть, кое-какие звезды политической мысли и разовьются из первоначального "лирического тумана", в котором два поэта поверяли друг другу свои заветные думы и тревоги"⁵. В статье Городецкий дает отпор ряду армянских и грузинских деятелей, когорые увидели в русском поэте "великодержавного гегемониста", высказались о нем довольно неприлично и развязно.

2 "Кавказское слово", 18.01.1918.

3 Там же, 24.01.1918.

4 Там же, 7.02.1918.

5 Там же, 20.01.1918.

Поэт отвечает своим "оппонентам": "Я не герой тыла. Не будучи призван, я добровольно приехал на армянский фронт, увлеченный порывом русской интеллигенции на помощь к Армении. С вашим народом я был в тягчайшие минуты его жизни: Вашей крови детей, бросаемых во время отступления, я поднимал с дорог, где уже все прошли..."

В тревожные 1918–1919 гг. не было буквально ни одного вопроса, затрагивающего жизненные интересы нашего народа, который бы не был поднят в статьях Городецкого, ни одного примечательного события, которое не нашло бы отражения в его публицистике. Свидетельством тому являются также пронизанные высоким публицистическим пафосом тематически целостные статьи. Эти статьи впервые введены в научный оборот нами⁶. В них с глубоким уважением, сочувствием и любовью говорилось об Армении, ее древней и богатой культуре, о трагической судьбе, выпавшей на долю армянского народа, по рассказам очевидцев описано бедственное положение народов в Восточной Армении после вторжения турецких войск, учинивших такие же зверские погромы, как и в Западной Армении.

В статье "Pro Armenia" ("За Армению") читаем: "Не только заглавие, но и всю эту речь можно было бы написать по-латыни. Не потому, что этим классическим языком вполне подобает писать про старинный народ. И не потому, что медный голос латыни как пельзя лучше подходил бы к трагическим событиям, обрушившимся на Армению, напоминая собою набат общечеловеческой совести. Совесть прежних веков. О, нет не современной! Современная общечеловеческая, международная совесть если звенит, то далеко не медью, а другим металлом. Латынью потому можно писать про современную Армению, что никто этих речей не слышит, люди закрыли уши, опустили веки на глаза, чтобы не видеть ужасающей, оглушительной, невыносимой азбуки событий..."⁷ С. Городецкий пишет, что на глазах всего мира уничтожают народ и об этом пельзя молчать. Но все происходящее словно напоминает театр, в котором на трагедию Армении смотрят с галерки Россия, из партера — Грузия, из ложи — Германия. А на глазах у всех не "представление убийства, а самоубийство". Публицист взывал к "общечеловеческой" совести. Особенно его угнетала судьба детей. "Армения, национальным своим инстинктом, во всех своих бедствиях особенно любовно, особенно бережно относится к детям, — пишет С. Городецкий. — Надо было видеть эти детские обозы, эти детские приюты, наспех организуемые на фронте всякий раз, как разрушался какой-нибудь город, надо видеть этих воспитательниц, нянек и особенно учительскую молодежь, чтобы понять, как чудесно переплавляется чувство бедствий в чувство любви

6 См.: А. А. З а к а р я н. Армения и армяне в статьях С. Городецкого. — "Вестник общественных наук" АН Армении, 1990, № 8, с. 80–93; о н ж е. Русские литераторы и армянская действительность (10-е гг. XX в.), Ереван, 1994, с. 150–185.

7 "Кавказское слово", 25.07.1918.

к сиротам. Это и понятно. Лишаемый территории, стоняемый с древних мест поселения народ-беженец, естественно, будущее свое видит в детях. Поистине в Армении так много сирот, что их уже нет там: матерью стало государство. Иметь мать—это редкое личное счастье, воспитание детей—дело общегосударственное. Жестокая ирония судьбы: гуманный идеалы новой педагогики осуществляются рукою смерти". Городецкий приводит яркие свидетельства страданий армянских детей-беженцев, в частности такое: "Врач приюта пишет о том, почему заболели дети. Они заболели от перехода с *травяного* питания на нормальное... в Эчмиадзине матери бросали детей в пруд, чтобы спасти их от мучений голодной смерти. И таким деталям нет конца. Одна другой страшнее, одна другой тяжелее. Происходит чудовищный процесс. Рубеж за рубежом отнимается у армян..."

Касаясь политических проблем, стоящих перед армянским народом, Городецкий вынужден признать, что границы Армении — лишь "мечта", ее просто нет, она "только в дипломатических бумагах и на старых картах России", "область за областью подпадает врагу", а "батумский договор отводит "под Армению" какой-то клочок земли, бесплодной и пустынной, со скудными недрами, обнаженной поверхностью, так сказать, символ государства. Народ хочет здесь сконцентрироваться, чтобы напряжением всех центростремительных сил спасти свое существование, но пределы и этого гнезда оказываются зыбкими, и здесь нет спокойствия, необходимого для государственного строительства, и здесь нет возможности мирной жизни".

С великим сожалением публицист констатирует, что какая-то "невидимая рука направляет дело систематического истребления нации", население Армении распадается на мертвых и беженцев, редеет группа живых и работающих. В трагическом молчании народ Армении переносит эту "тягчайшую минуту своей истории", "плачущих, проклинающих, вопящих" не видно. Стиснув зубы работают живые. Молча умирают обреченные... И свою роль действующего лица трагедии Армения несет с достоинством, замечает автор статьи. Но С. Городецкий вновь выражал веру в жизнестойкость армянского народа. "Вообще народы не погибают. И никогда не погибают народы, умеющие в минуты тягчайших бед и унижений сохранять свое национальное достоинство. Не погибнет и Армения. Измученная, обессиленная, она все же в эти трудные дни осуществляет свою историческую мечту о самостоятельности".

Особо выделяется статья "Новая рана". Городецкий ясно осознавал высокую ответственность русского народа, его интеллигенции за историческую судьбу не только своего, но и других народов России и подвергал политическому анализу то, с каким энтузиазмом воспринял русский народ принцип самоопределения наций. Этот принцип, как заметил Городецкий, "глубоко удовлетворял русскому самосознанию и снимал с русской совести грех угнетения малых и слабых"⁸. С этой по-

⁸ Там же, 29.08.1918.

зиции подошел русский поэт и публицист к декрету об упразднении армянских организаций, действующих в РСФСР. Этим решением в качестве контрреволюционных, антисоветских были ликвидированы армянские культурно-политические демократические организации. Поднимая свой голос протеста, Городецкий обличает и осуждает антиармянские происки, защищает национальные интересы армянского народа. "В ту минуту, когда армянский народ напрягает все свои силы к тому, чтоб, под угрозой физического истребления, при полной необеспеченности границ государства и жизни граждан, создать основы своего государственного бытия, агонизирующая большевистская Россия наносит ему новый удар в спину: декретом Ленина упраздняются все армянские национальные советы, комитеты обороны, военно-революционные комитеты и пр.", — пишет публицист и замечает, что большевизм "проявил тот же страх перед свободой народностей, какой был характерен и для царского правительства. Не умея гарантировать жизнь и развитие так называемым "малым народностям", большевизм силой, как и прежнее правительство, хотел держать их в связи с собой и с самого начала косо смотрел на всякое "самоопределение", объявляя его "контрреволюционным". Раздавались голоса, что в этом стремлении большевиков сохранить карту России сказывается их государственный ум. Но именно его то здесь и не было. Большевизм в этом вопросе примитивно подражал самодержавию и, конечно, был бесконечно далек от проповедуемых им заветов интернационализма". Городецкий очень метко заметил, что большевизм "не мог и не хотел понять, что путь к федерации лежит только через полное самоопределение, что разгон центробежных сил неминуемо приведет к центростремительному бегу". Ни один из учителей интернационала, утверждает русский публицист, не мыслил братство народов, как "сцепление нивелированных и обезличенных государственных единиц — а, наоборот, как свободный союз вполне в своих пределах развившихся государственных организмов".

Весьма смело и жестко Городецкий критикует новые власти: "Фразу Энгельса о том, что государство есть насилие, Ленин сделал главным рычагом своей политики. И нажал на него в вопросе о национальностях. Одним из результатов этой политики и являются декреты об армянских организациях. Надо восстановить в сознании всю текущую на наших глазах трагедию армянского народа, чтоб оценить весь цинизм этих декретов.

Народ, лишаемый территории, народ, прогнанный с исконных своих земель и гонимый с последних, отведенных ему клочков; народ, похожий на зверя, которого выкуривают из последнего угла его норы. Народ, с начала войны систематически истребляемый, усеявший своими костями огромные пространства и ныне ежедневно приносящий тысячные гекатомбы смерти. Народ, рассеянный по свету, не погибающий исключительно благодаря стальному своему упорству".

Осуждая новые власти, С. Городецкий пишет: "Истекающему кровью армянскому народу нанесена новая рана, и оттого, что эта рана нанесена Россией, хотя бы и большевистской, она особенно болезненна".

В статье "Живое кладбище" читаем: "Наступают дни всеобщего мира, вырабатываются новые формы культурной жизни, все народы возрождаются — и вот в это время, в дни торжества жизни, на бакурьянских высотах, не где-нибудь в пустынях Месопотамии, а в шести часах езды от центра совершенно открыто, совершенно так, как делается дело доброе и общепольное, с холодной точностью часового механизма творится чудовищное непоправимое дело смерти"⁹. "Все привыкли к смерти, но, быть может, пора начать отвыкать от этой привычки видеть и не замечать вокруг себя смерть?" — задается вопросом Городецкий и размышляет, что представился "удобный случай" отвыкать от смерти там, где она явно бессмысленна. Публицист раскрывает перед читателем суть свершившегося: "Под нашествием турок жители Ахалкалакского уезда двинулись к Грузии, и на бакурьянских высотах, на территории, достаточной только для того, чтобы быть кладбищем такому количеству людей, под открытым небом, были задержаны в своем движении и заперты как бы в концентрационном лагере. Работоспособный, зажиточный крестьянин превратился в беженца. Культурное население — в голодную и большую толпу". Городецкий приводит впечатляющую статистику вымирания ахалкалакцев и поднимает вопрос об их немедленном возвращении в родные места после ухода турок, чем и прекратится "дело смерти, столь образцово поставленное в Бакурьянах".

Свое пламенное выступление в пользу страдающих армян Городецкий завершает так, обращаясь к властям: "Долг каждого гражданина помочь в таких случаях. Долг прессы выдвинуть такой вопрос из-под сукна. Ведь никаким блеском государственного механизма не оправдать гибели хотя бы одного грязного, вшивого, голодного беженца. А они гибнут *десятками тысяч*."

Отворите же сердца свои, поймите эти цифры! Если каждый это поймет и подумает, быть может, скорей поймут это и те, от одной подписи которых зависят тысячи жизней. Уж если и при демократии нельзя обойтись без того, чтобы *тысячи жизней* зависели от *одной* подписи, то пусть эта подпись решает вопрос в пользу жизни, а не в пользу смерти!"

Статья Городецкого "Немножко зубрологии"¹⁰ представляет собой отповедь некоторым не слишком чистоплотным деятелям русского общества, которые ополчались против армян¹¹. Не скрывая сарказма и

⁹ Там же, 8.11.1918.

¹⁰ Там же, 30 (17), 11.1918.

¹¹ Имеется в виду статья В. Опочинина "Грезы о прошлом", опубликованная в газете "Грузия" от 28 ноября 1918 г. На эту статью в закавказской прессе от-

своего негодования, публицист пишет: "Зубрология – наука. Наука о зубрах. Я имею полную возможность ее обогатить новейшими исследованиями.

Дело в том, что хотя в этой науке существуют целые главы, посвященные таким экземплярам, как Бобринский, Крупенский, Меньшиков, т.е. зубрам российским, тем не менее остаются мало известными зубры закавказские.

В энциклопедии им посвящено всего несколько строчек, а именно: "Без всякой охраны зубры уцелели еще в некоторых урочищах Кавказа".

Мы можем указать точнее, в каких именно урочищах: напр., в Тифлисе... Изучаемая разновидность, как опять-таки в каждом порядочном зоологическом саду, имеет номенклатуру: В. Опочинин.

Прежде чем перейти к разглядыванию именно этого экземпляра, напомним два признака всякого зубра, указываемые в зоологии. Признак первый: "Общая *грязно-светло-бурая* окраска".

Обращаем внимание читателя на эту деталь: не просто грязно-белая, а именно грязно-светло-бурая. На первый взгляд окраска может показаться светло-бурой, или, даже может быть *светлой*, а на самом деле, она *грязно-бурая*, или просто *грязная*. Признак второй: "С годами становятся особенно злобны и дики и *нередко нападают на человека*"...

Оба эти признака в высшей степени присущи ныне наблюдаемому экземпляру, В. Опочинину. Посмотришь – светлая личность. Ни дать, ни взять апостол, только борода коротка. Поборник правды, каких мало – лишь с самой маленькой оговоркой: борется за правду постольку, поскольку она ему нравится.

Армян любит прямо до самозабвения. Куда там Отелло! В щепки не годится. Всю свою жизнь отдает он этой беззаветной страсти к Армении. Это какая-то бессмертная любовь...Если б не Опочинин, погибли бы армяне. Он – их спаситель, он их заступник. Друг, можно сказать, единственный".

Городецкий негодуяще пишет: "Сидит этот друг, ходатай и адвокат армянского народа, у себя в зоологическом и пишет статью про свой возлюбленный армянский народ. Столько же в ней любви, сколько честности. Столько же в ней честности, сколько правды. Столько же в ней правды, сколько ижицы – ни одной ижицы, ни капли правды, честности и любви. Сплошная пакость – читать тошно. Вот она зубровская окраска. Недаром сказано про нее в зоологии: "грязно-светло-бурая".

"Наш зубр... прямо говорит свое, затаенное, – подчеркивает автор статьи. – Ведь если уж говорить по правде, то армяне имеют меньше,

кликнулись многие, в частности в газете "Кавказское слово" опубликовал свое мнение ряд авторов; Т. А. Б е к з а д я н. В. Опочинин, прозревающий будущее (30 (17).11.1918); А. Ч и м и ш к а н. Открытое письмо В. П. Опочинину (там же); I d e m. Вова приспособился (1(18).12.1918).

чем кто-либо, и этнографических и исторических прав на самостоятельную территорию”.

Аргументы Городецкого в защиту прав армянского народа вески и очевидны: “Замечательная мысль, чисто зубровская. Здесь мы стоим вплотную перед зубровской психологией. Чтобы ее оттенить, сопоставим зубровскую правду с исторической.

Многочисленный народ покрывает памятниками своей культуры огромную территорию. Многовековой борьбой он отстаивает свое существование под напором завоевателей. Последней войне, ведомой за будущую свободную жизнь народов, он платит непомерную дань сотнями тысяч мучеников.

И вот в момент, когда наступает осуществление его надежд, ему говорят, что он не имеет права на территорию.

Мало того: зубровское перо своим чисто зубровским способом аргументирует. Способ чрезвычайно прост: берется факт – и отрицается.

Армяне всю свою территорию залили своей кровью, защищая каждую пядь, каждый камень. Зубр, доказывая, что армяне не имеют права на территорию, говорит: “а территорию надо заслужить исторически, надо ее в свое время отстоять кровью”. В силлогизме подменяется предпосылка, и нужный вывод готов.

Как все это жалко, как бессильно. И сама мысль о том, что народ должен “заслужить” территорию, и доказательства ее. Психология зубра отстала от психологии современного Вильсону человечества на много-много веков. Психология зубра сплошь пропитана привычкой к насилию и подхалимству. Одно это слово “заслужить” чего стоит? Старой пылью пахнет от этих мертвых слов”.

Городецкий клеймит “зубра” Опочинина, когда пишет: “описанный прием с простым подменом предпосылки – самое невинное, что есть у зубра. Его арсенал гораздо гаже. Кроме инструментов мелкого фокусничества туда входят более современные аппараты, более подлые. “Живя и работая в России, – вещает про себя наш экземпляр, – я на каждом шагу сталкивался с исключительным недоверием русского общества к армянам, причем тамошние люди еще сравнительно равнодушны, но, кто только побывал на Кавказе, тот уже привозит обратно вполне сложившуюся антипатию”. Ведь это же ложь.

Хотя Опочинин, как ходатай и адвокат, и не лжет. Таково зубровское искусство. Клеветать, не клеветца. Лгать и не лгать”.

Городецкий прекрасно знает, что передовое российское общество всегда с симпатией относилось к армянскому народу: “Если под ним разумеешь русскую интеллигенцию, которая в лице своих лучших людей проявила такую братскую симпатию к армянам, если вспомнить огромную работу Валерия Брюсова, Максима Горького и других над армянской литературой, то все сказанное Опочининым, конечно, самая бесстыдная ложь.

Но если под "русским обществом" разуметь те клетки российского зверинца, где "жили и работали" русские зубры, то, конечно, там можно встретить не только "исключительное недоверие" и "вполне сложившуюся антипатию", но и гораздо худшие вещи – и натравливание, и провокацию, и самое простое людоедство".

"Венок друзьям" – трогательная статья Городецкого о героях Ванской эпопеи – К. Амбарцумяне, сыне Ов. Туманяна – Артавазде, докторе Вартапяне. Русский поэт пишет: "Не в равном бою пали они, а в коварной осаде: их благородная доверчивость и неустрашимость встретилась с предательством и злобой врага. Горька тяжелая скорбь о их гибели. Таких сынов терять в такую минуту армянскому народу особенно трудно."

И не хочется верить, что их нет, что только тени их остались с их народом, что только в песнях о них спеть можно..."¹²

Характеристики Городецкого метки, продуманны. Так, он пишет о К. Амбарцумяне: "... именно такие люди, каким был он, нужны возрожденной Армении. Выйдя из народа, пройдя суровую школу политической борьбы, К. Амбарцумян принадлежал к той деловой, народной интеллигенции, на которую обращены сейчас надежды всех народов, не только армянского. Армянам же в деле воссоздания их страны, в момент осуществления многовековых стремлений, в этот великий день победы, такие деятели особенно нужны. Амбарцумян был типичнейшим из них... Он знал свой народ и в каждом видел брата. Что-то библейски-патриархальное было в его отношении к человеку. Народ он мыслил, как семью. Сердце у него было близко от дела. И в этих его чертах отражаются старинные нравственные качества армянского народа".

О докторе Вартапяне русский поэт отзывается не менее тепло: "Армянин американской складки, он нес с собой своему народу дары другой культуры, чем Амбарцумян, энергию, методичность работы, европейское понимание долга. Живой, подвижный, неутомимый, он в трудные для ванцев дни много сделал им добра. Он плохо говорил по-русски, и я мало знаю про него, но все любили его и ценили. Его гибель – большая утрата для Армении".

Особенно трогательно пишет Городецкий о сыне своего великого армянского друга – поэта Ов. Туманяна Артавазде: "...юноша-герой, работавший для родины и отдавший жизнь за нее в канун славы, мой незабвенный друг, красивый глазами и душой, Артик Туманян.

Всем памятно героическое письмо его отца Ованеса Туманяна, обращенное в начале войны к Андранику, в котором отдавал он всех своих сыновей этому вождю, благословляя их на гибель за родину.

И вот, самый юный, самый нежный из его сыновей исполнил волю своего отца: он пошел и погиб за родину. Вся жизнь была впереди. Та-

¹² "Кавказское слово", 8(25). 12.1918.

лантливая натура влекла его то к живописи, то к театру, то к стихам. Он все оставил и пошел на работу и смерть".

Русский публицист не может забыть личного общения с этим прекрасным сыном армянского народа, навсегда запавшим в его душу обликом молодого патриота: "Огромные глаза его блестели, черные кудри падали на белый лоб, он был романтичен в этих садах смерти. Но в романтике его было что-то жизнерадостное, обращенное к будущему. Утром он лихорадочно бросался на кропотливую работу поддержания и восстановления жизни, работал запоем. Как много творческих сил погибло в нем, как жаль это сердце, полное горячей туманяновской крови! Артавазда ожидал расцвет. Все юношески неуравновешенное, что было в нем, должно было непременно отлиться в красивое творчество"¹³.

"Бедствия Армении" — одна из лучших статей Городецкого, четко представившая картину современного состояния страны, ее проблемы. В ней рассказывается о "невероятных условиях", в которых живут беженцы. Публицист, в частности, пишет: "...чаша бедствий еще не испита до дна, и вести, идущие из Армении, опять заставляют леденеть душу. Приехавшие с работы отсюда рисуют полную картину смерти, вымирания. Дело турок и германцев продолжают голод и болезни. Все классы общества одинаково платят дань смерти. Умирают министры. Погибает интеллигенция. Редуют ряды армии. И без счета гибнет народ. ...На глазах у всех падают дети и не встают больше. С мест идут чудовищные вести. Все запасы истрачены. Беженцы живут в невероятных условиях. Можно видеть у сточных канав, как они роются, вытаскивают мусор и выискивают зерна. И поразительно, с какой безропотной покорностью принимает население голодную смерть. Никаких демонстраций, никаких протестов. Умирают молча"¹⁴.

Городецкий считает, что внутренними силами Армении не подняться и призывает к "интернациональной" помощи, к "межгосударственной солидарности" для преодоления голода и эпидемий, — "Иначе все радужное будущее Армении будет поколеблено и лишено фундамента. Ведь в эти тяжелые дни несчастная страна теряет главное свое достоинство: свое население, свой народ".

13 Уместно вспомнить: 3 декабря 1918 г., из печати узнав о трагической судьбе Артавазда и его друзей, С. Городецкий с болью писал Ов. Туманяну: "Сейчас Вардгес (Агаронян. — *Ан. З.*) перевел из "Оризон" печальные строки о гибели в бою наших общих друзей и в их числе нашего нежного... Артика. Слезы мне застилают глаза, я его любил, как единокровного брата, но мое горе мне кажется маленькими сумерками по сравнению с огромной ночью вашей скорби. Я не сумею утешить Вас, отца героя, но я так близко-близко стою около Вас и смотрю вместе с Вами в опустевший мир и жду минуты, чтобы поднять вместе с Вами глаза к вечным звездам, где теперь душа Артика" (С. Г о р о д е ц к и й. Об Армении и армянской культуре. Ереван, 1974, с. 182).

14 "Кавказское слово", 4.02.1919.

Пусть потускнеют на время политические мечты и грандиозные планы.

Сейчас время будничной, тяжелой работы. Сейчас нужно спасать живых людей от неминуемой гибели.

И это дело должно быть всеобщим".

Армянская общественность резко протестовала против кровавых событий, развернувшихся в 1918–1919 гг. в Карабахе, когда турками и азербайджанскими мусаватистами здесь были вырезаны тысячи ни в чем не повинных армянских стариков, женщин и детей. С. Городецкий во время пребывания в Закавказье был довольно близок с армянскими общественно-политическими и культурными деятелями. Благодаря им он владел информацией о событиях в крае, о положении армянского народа в целом. И не случайно, что в те тревожные дни русский поэт и публицист выступает в печати со статьей "Карабах"¹⁵.

Содержание ее лишний раз свидетельствует о том, с какой глубиной русский деятель исследовал историю и культуру армянского народа, что дало ему возможность раскрыть роль края для Армении, защитить национальные интересы армян и прийти к однозначному выводу – Карабах исконно армянская земля: "Будучи единым этнографически, хозяйственно и по языку, Карабах сделался цитаделью Армении, восточным ее флангом. Таким он был в прошлом, таков он сейчас, таким он будет и всегда". Статья является ценным документом, ибо кроме отражения исторической правды, выявляет отношение передовых людей России в лице С. Городецкого к вопросу, имеющему жизненное значение для армянского народа. Статья дополняла тот огромный интерес к карабахским событиям, который существовал в армянском обществе в это время. Глубокие и содержательные выводы Городецкого о событиях и проблемах Карабаха своей объективностью и непредвзятостью "человека со стороны" не потеряли актуальности и значимости до сих пор.

В конце апреля 1919 г. по приглашению "Литературно-художественного общества" Еревана из Тифлиса С. Городецкий приехал на неделю в Ереван. Это явилось важным событием в общественно-культурной жизни города. В эти дни он прочитал для общественности города лекции по теме "Тени Вана" и "Современная армянская лирика"¹⁶. По возвращении С. Городецкий напечатал в газете "Кавказское слово" серию очерков "Путешествие в Эривань". Как прочитанные лекции, так и опубликованный цикл статей свидетельствуют о большой любви и преданности русского поэта армянской культуре и народу.

До этого С. Городецкий непродолжительное время был в Ереване в 1916 г. И вот он вновь в Ереване, в более тяжелые дни, когда город пе-

¹⁵ Там же, 23.03.1919.

¹⁶ Об этом подробно см.: Ա. Ն. Ջ ա ք ա ր յ ա ն. Ս եր գ է յ Գ ո ռ ո ճ ե ճ յ կ ի ն Եր հ ա ն ու ճ (1919 թ. ա ղ ի թ իր)։— Հ Ս Ս Հ Գ Ա «Լր ա ր եր հ ա տ ա ր ա լ ի կ ա ն ղ ի տ ա լ թ յ ա ն ն եր ի», 1981, № 6, էջ 53–64:

реполнен бездомными беженцами, когда свирепствуют голод и эпидемия, каждодневно отнимая сотни жизней. Путешествие, начатое в Тифлисе, он подробнейшим образом описал и опубликовал в "Кавказском слове", где, в частности, читаем: "На рассвете 24-го (третий день путешествия) мы выехали из Александрополя и в одиннадцать утра увидели Эривань с ее серым собором, садами и торжественным Араратом. Старик, весь жемчужный, сверкая сквозь кружевные облака, встретил нас приветливо. В его осанке появилось спокойствие, но глубокие думы бороздили морщинами его вековое чело. Мы не посмели беспокоить его божественную ширвану назойливыми расспросами и только помечтали о том, каким интересным могло бы выйти сейчас, — и для нас, и для Европы, — интервью с самим Масисом"¹⁷.

Говоря "мы", С. Городецкий имел в виду едущих с ним в Ереван в том же вагоне артистов. Среди них — итальянка, немец и англичанин-военный. Затем описываются те местности, через которые прошли турецкие захватчики весной 1918 г. Вот поле при вокзале Александрополя, покрытое сломанным оружием, человеческими костями и черепами, в глазницах которых еще сохранилось "выражение ужаса". А под открытым небом группами собравшиеся беженцы ждали возвращения в родные края. На фоне этих ужасающих картин жизни С. Городецкий как бы спорит с европейцами, в частности с англичанами, которые в эти дни хозяйничали в Закавказье. Путешествию С. Городецкого предшествовал армяно-грузинский инцидент, в котором был замешан пресловутый английский представитель полковник Томсон. Известно, как возмущена была в эти дни общественность Закавказья вмешательством англичан во внутренние дела народов края. Отношение С. Городецкого к английским колонизаторам, в частности, совпадает с позицией Ов. Туманяна, который еще в 1913 г. в обширной статье "Армянский вопрос и его решение" разоблачал двуличие английской дипломатии в судьбе Армении.

Во время пребывания в Ереване С. Городецкий посетил его достопримечательности, побывал в Эчмиадзине, встречался со многими деятелями культуры, делил их радости и печали. В цикле статей "Путешествие в Эривань" живыми красками обрисовано общественно-политическое положение города — борьба партий, будничная атмосфера. Если раньше жизнь ереванцев проходила замкнуто, уединенно, в тиши садов, то теперь поэт отмечает оживление в политической и общественной жизни города, неузнаваемо изменившее облик горожан: "Эриванец решительно потревожен и меняет свои привычки. Раньше жил он в своих садах, в своих уютных старинных домах... Теперь в этот ... быт ворвались новые звуки. Жизнь стала тревожной и трудной, но и богаче, интересней, содержательней. Политические вопросы захватывают всех, новости разносятся, как по радио. В этом смысле Эривань неуз-

17 "Кавказское слово", 8.05.1919.

наваем"¹⁸, — пишет Городецкий. Среди этих и других фактов русский поэт констатирует также такое негативное явление времени, как наличие в городе разбойничьих элементов — маузеристов. С горестью искреннего друга народа Городецкий предупреждает о его тяжелых последствиях.

В статье "Оживающий город" поэт описал положение армянского народа весной 1919 г., деятельность правительства на пути преодоления имеющихся в стране трудностей, проблему армянских беженцев.

Для политической ситуации тогдашней Армении характерны отрывки из последнего очерка — "№ 35" (названного так по популярному в то время номеру вина). Вместе с С. Городецким, как уже сказано, приехали в Ереван и артисты, и как пишет он, "*неделя лекций и концертов стала одновременно неделей пиров*" (подчеркнуто нами. — *Ан. З.*). Эти банкеты преследовали политические и дипломатические цели, которые находят многозначительное объяснение: "А банкеты играют сейчас видную роль в эриванской жизни. Постоянная смена европейцев, приезд Пуадобара, Темберлея, Вуда и еще других, карские торжества, — со всеми этими событиями совпало скромное прибытие нашей божественной троицы"¹⁹.

Уместно отметить, что и до приезда Городецкого в Ереване проводились еще более пышные банкеты; в частности, весьма роскошным был пир в честь прибывшего 25 марта в Армению с определенной миссией английского полковника Томсона. Описывая последний пир с участием англичан и французов, Городецкий с явной горечью добавляет: "Но веселясь, я вдруг чувствую в себе жуть! Подхожу к окну. Темная ночь. В эриванской комнате Европа. Обыкновенная гостиная, старинный рояль — и европейцы. Это не сон? Это надолго?". Здесь речь определенно идет о колониальной политике европейских стран, которые на пролитой крови армянского народа продолжали свой дипломатической торг.

Посвятив себя бескорыстному делу оценки и пропаганды армянской культуры, как в Тифлисе, так и в дни пребывания в Ереване, Городецкий удостоился горячей любви и глубокого уважения широкой армянской общественности. Вот какое впечатление произвел на общественность Еревана облик русского поэта: "Он хорошо знаком с перенесенными нами в последние годы страданиями, его нежная и человеколюбивая душа с нами оплакивала наши черные дни"²⁰.

Статья "Последний крик" — одна из самых трогательных и волнующих душу. В ней читаем: "В моей душе жив один крик. Навсегда, неразделимо. В пытках ада, в блаженствах рая, в сиянии земли — всегда я могу его вспомнить — и все поблекнет: огонь, лазурь, цветы... Мы поки-

18 Там же, 11.05.1919.

19 Там же, 18.05.1919.

20 «Философия», 11.05.1919.

дали Ван. В третий раз. Переполненные детьми фургоны готовы были тронуться в опасный и далекий путь на север...

Из ворот больницы выносили последних, кого можно было поместить на переполненных фургонах.

В воротах стояла кучка осужденных остаться. Они тискались друг на друга, пробивались вперед, цеплялись за колеса. Выражение отчаяния и тоски было в их изнуренных лицах. Что их ждало? Медленная смерть, если враги их не заметят. Смерть мучительная, если у врагов будет время и охота насладиться их мучением.

В стороне стояла старуха. В своих лохмотьях она была царственна. Яркость красок национального костюма была сильнее ветхости. Заплатанная и ободранная одежда хранила все свое экзотическое величие. Босые загорелые коричневые ноги, сухие, голые до плеч темные руки с исхудавшими когтистыми пальцами. Седые волосы из-под истрепанного головного убора, и лицо, лицо — незабываемый лик долготерпения, страдания и надежды такой сильной, что сильнее его был только ее голос, который я вскоре услышал... Морщинистый лоб, орлиный нос, изможденный рот, с тем странным выражением, которое бывает в последней стадии мучений и которое похоже на улыбку. И глаза. Запавшие глубоко в орбиты, полуприкрытые тяжелыми сожженными солнцем веками, с редкими, длинноотросшими седыми ресницами, — и все же яркие, безумные, не сдающиеся глаза. Вот ее облик. Она не цеплялась, не выбивалась вперед, как другие. Она стояла поодаль, в каменном порыве. Она протягивала свои темные руки с заостренными локтями, куда-то вверх, и резко обозначенные кости ее шеи тоже тянулись куда-то в последнем напряжении. Она не кричала, не двигалась, и оттого я ее заметил. И не мог отвести от нее взгляда. Что-то древнее, библейское, безысходное и роковое было в ее позе. И все же, наперекор всему, неизъяснимая надежда двигала ее душу...

Фургоны тронулись, один, другой и третий, много. Мертвый свет холодной луны освещал дорогу через пустой город, в ущелье зияющих развалин. Все смолкло — говорил Рок. И вдруг в этой лунной тишине раздался крик. Это завывала старуха.

Протяжно, с медленностью, которую рождает безнадежность, с тоской, которая приходит перед смертью, с каким-то звуком, напоминающим имя мать, то приближаясь к визгу отчаянья, то замирая в клочущих басовых нотах ужаса и мольбы, она — не знаю, как это назвать — рыдала, плакала или выла, и этот сложный, огромный звук покрывал и лунную ночь, и разоренные жилища, и опасный путь.

Неотступно, как ангел горя, шел он за нами, покрывая своими острыми черными крыльями весь обоз, всех детей, всех живых.

И нельзя было отметить тот момент, когда он прекратился, а слух продолжал еще его слышать. Не было спасенья от него, он остался нав-

сегодня во мне, как во многих, кто его тогда слышал, последний крик отчаяния и тоски..."²¹

Далее в статье дается картина послевоенного обустройства Армении, неисчислимы и часто неразрешимые проблемы, стоящие перед армянским народом. Армения, "обласканная" речами великих держав, была обманута вновь: "Обращение Армении к парламентам всех государств, — этот неизгладимый в совести всего мира документ — прозвучало так трагично, как давно не звучало человеческое слово. Ни одного упрека, ни одной жалобы, ни одной просьбы о помощи.

Неприкрываемая правда положения, которая не нуждается в пояснениях. Ясный до ужаса, широко открытый взор на близкое будущее. И полный гордого достоинства трагизм. Вы слышали? Теперь вы знаете? Я умираю...

Доведен здесь до предела усиления звук голоса ванской старухи, очищен всепародностью, прокален разумом. И стал он громче радио, звучит на весь мир, ко всем народам. Кто услышит? Кто придет?

И раньше, чем придут отклики, мы знаем, что совесть наций содрогнется, — не та версальская, гибкая совесть, которая лучше умеет устраивать праздники побед, чем ежедневную будничную жизнь, а та немолчающая, внутренняя совесть, которой только и живы народы".

Армянская мечта вновь погасла: "Теперь мы должны сознаться, что обмануты в наших надеждах". "Нет для нас ни друга, ни союзника, ни помощи извне". Это — анализ положения. "Мы, объединившись, смело можем защищать себя, независимо от присутствия или отсутствия союзников". "Воспрянем с новой энергией, возьмемся за оружие и вступим в кровавый бой последний раз". Это — тактика дня. "В этот момент мы можем надеяться и рассчитывать только на наши силы".

Городецкий, однако, верит в будущее нации: "Если б не было слышно этих последних призывных звуков, то трагический голос обреченной старухи покрыл бы все голоса Армении. Но нет! Песнь последнего отчаяния таинственно переходит в песнь борьбы. На заре, когда проснулись дети в фургонах, звонкий хор их голосов заставил все-таки забыть голос старухи. Так и теперь, призывный звук слышнее вопля отчаяния. Это он раздаётся над свежими могилами новых жертв. Это он их отлетающие души провожает к небу. И вслед за последним криком начинается молчаливая, немая, стиснув зубы, борьба.

Не потому последний этот крик, что за ним идет немота могил и развалин, а потому, что в нем кончается голос призывов к помощи, это бесполезное "помогите", этот долгий вопль.

И начинается иное, новое, тоже знакомое Армении, как и голос отчаяния.

В самые мрачные минуты, когда нация, казалось, гибнет в резне, все же в недрах ее шла жизнь, и собирались силы для отпора".

21 "Слово", 28.08.1919.

С. Городецкий писал не только статьи, но и имел ряд публичных выступлений по интересующей нас теме. В начале июля 1919 г. С. Городецкий едет в Батуми. Здесь "Общество деятелей искусства" организует его доклад на тему "Искусство будущего и женщина". По сообщению газет выступление русского поэта во многом способствовало укреплению авторитета новосозданного общества. Его доклад об "Армянском вопросе" планировалось также организовать в Трапезунде, инициатором которого выступил Армянский клуб²².

Долгое время нам не удавалось найти какого-либо отклика на эту лекцию С. Городецкого: состоялась она или нет, какие вопросы в ней поднимались и с какими акцентами, какие заключения делались русским поэтом в проблеме решения Армянского вопроса. И, наконец, мы нашли довольно интересную информацию об этом выступлении. Речь о заметке собственного корреспондента издающейся в Тифлисе газеты "Нор ашхатавор" ("Новый труженик") О. М. под заголовком "Лекция Сергея Городецкого об Армянском вопросе" с пометкой "Батум, 15 июля". Остановимся на ней подробнее.

"В зале общественного собрания, вчера, 14 июня (июля. — *Ан. З.*) русский поэт и искусствовед Сергей Городецкий прочитал лекцию об "Армянском вопросе" по следующей программе.

1. Способен ли армянский народ к самостоятельному существованию?
2. Необходимость объединения двух частей Армении — Русской и Турецкой — для создания единого государства.
3. Возможно ли мирное сосуществование армянского народа с мусульманским миром?
4. Сельское хозяйство, торговля и промышленность. Народное искусство и литературное искусство.
5. Культурная связь с Россией.
6. Польза и вред от покровительства европейских государств.
7. Работы правительства Республики Армении.
8. Заботы о физическом существовании и освобождении нации. Беженский вопрос.
9. Школа. Лекция (должно быть — воспитание. — *Ан. З.*) детей. Национализация и ее крайности.
10. Выводы.

Г-н Лектор прежде всего отметил, что Армянский вопрос — вопрос совести. А история всегда была несправедлива. Говоря о возрождении наций и культурной творческой работе российских и турецких армян, как в прошлом, так и в настоящем, сделал вывод, что, да, армяне как культурная нация могут самостоятельно существовать и, объединив две части, создать независимое государство"²³.

²² "Кавказское слово", 8.07.1919.

²³ «Նոր աշխատավոր», 22.07.1919:

В лекции затрагивались и другие проблемы, в частности возможность мирного сосуществования армянского народа с мусульманским миром, развитие сельского хозяйства, торговли и промышленности. Газета информирует, что Городецкий говорит также об армянском фольклоре, современной поэзии, архитектуре Армении. Особо оратор останавливается на энергичной деятельности армянского правительства, заботящегося о "многотысячном бегенстве", деле воспитания детей и т.д.

С. Городецкий, таким образом, предстает перед нами как совесть русского народа. Совесть, с которой публицист никогда не вступал в сделку, и это в то время, когда в полную силу политизировалось все и в первую очередь морально-нравственные ценности. Вышеизложенный материал и есть тому яркое свидетельство.

ՀԱՅԱՍՏԱՆԸ ԵՎ ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՀԱՐՑԸ ՍԵՐԳԵՅ ԳՈՐՈՂԵՅԿՈՒ
ՀՐԱՊԱՐԱԿԱՆՈՍՈՒԹՅԱՆ ՄԵՋ

ԱՆՈՒՇԱՎԱՆ ԶԱՔԱՐՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ու մ

Ռուս բանաստեղծ, հրապարակախոս, հասարակական գործիչ Սերգեյ Գորոդեցկին (1884–1967) 1916–1921 թթ. ապրիլ և սահղծագործել է Անդրկովկասում: Այդ տարիներին նա եղել է Արևմտյան Հայաստանում՝ Վանում, Երևանում, Բաքվում, Թիֆլիսում, Բաթումում, ուշիուշով հասել է հայ ժողովրդի պատմական ճակատագրին, Հայաստանում կատարվող դեպքերին, երկրի արտաքին ու ներքին իրավիճակին, իր ձայնը բարձրացրել ի պոռտոգանությունն ընդհանրապես հայ ժողովրդի պաշտպանության: Բացի գրական գործերից, որոնք հայտնի են հայ և ուսու հանրությունը, Ս. Գորոդեցկին նաև հայ ժողովրդի, Հայաստանի, Հայկական հարցի մասին 1918–1919 թթ. գրել է տասնյակ հրապարակախոսական հոդվածներ, հանդես եկել գեկուցումներով: Խոստեն են զրանց վերնագրերը («Ժանգոտ փետուրներ», «Pro Armenia», «Նոր վերք», «Կենդանի գերեզմանոց», «Մի քիչ զուբրոյուզիա», «Պսակ բարեկամներին», «Հայաստանի աղետները», «Ղարտրագ», «Վերջին ճիչը» հոդվածները և Բաթում քաղաքում «Հայկական հարց» վերնագրով կարգացած գեկուցումը), լավատեսական, իմաստալից ու կենսահաստատ եզրահանգումները: Ռուս հրապարակախոսը ողջ հոգով հավատում է հայության վերածնությունը և հայ ժողովրդին ուղղում է հուսադրող, քաջալերիչ խոսքեր: Հայաստանին և Հայկական հարցին նվիրված հրապարակախոսությունը Ս. Գորոդեցկին ընթերցողի առջև հանում է իբրև ուսու ժողովրդի խիղճ: Խիղճ, որի հետ հրապարակախոսը երբեք գործարքի չգնաց, և գա այն ժամանակ, երբ ամեն ինչ քաղաքականացված էր: Հոդվածում քննվող հարցերն ասվածի վկայությունն են:

ARMENIA AND THE ARMENIAN QUESTION IN SERGEY GORODETSKY'S
PUBLICISM

ANUSHAVAN ZAKARYAN

S u m m a r y

Russian poet, publicist, public figure Sergey Gorodetsky (1884–1967) lived and created in the Transcaucasia in 1916–1921. He was in the Western Armenia, in Van, Yerevan, Baku, Tiflis, Batumi, followed attentively the historical fortune of the Armenian people, events taking place in Armenia, the external and internal situation in the country, raised his voice in defence of the long-suffering Armenian people. Besides literary works known to the Armenian and Russian society, in 1918–1919 S. Gorodetsky wrote dozens of publicistic articles, made reports. Their titles (articles named "Rusty feathers", "Pro Armenia", "New wound", "Living cemetery", "A little cramming", "A garland to friends", "Disasters of Armenia", "Karabakh", "The last cry") and the report named "The Armenian question" made in Batumi are expressive, the conclusions are optimistic, pithy and vital. The Russian poet believes the revival of the Armenian people by all his heart and soul and directs reassuring, encouraging words to the Armenian people. With his publicism devoted to Armenia and the Armenian people S. Gorodetsky appears before the reader as a conscience of the Russian people. Conscience, with which the publicist never struck a bargain and it was at the time, when everything was politicized. The questions discussed in the article illustrate what is said.